УДК 330.342

Кузнецов Б.Л., доктор технических наук, профессор, Набережночелнинский институт ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет», Кузнецова С.Б., кандидат экономических наук, доцент, Набережночелнинский институт ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет»

ВЫСОКИЕ ТЕХНОЛОГИИ – СТРАТЕГИЯ РАЗВИТИЯ МОНОГОРОДОВ[1]

Аннотация: Экономический кризис в России нанес регионам и территориям, узкоспециализированным на выпуске ограниченной номенклатуры продукции низкорентабельных отраслей, существенные потери. В качестве института развития моногородов Правительством предложено создание территорий опережающего социально-экономического развития (ТОСЭР) со ставкой на малый бизнес и диверсификацию хозяйственной деятельности. В статье анализируется антикризисный потенциал новых институтов развития. Предлагаются меры по совершенствованию института ТОСЭР на основе формирования синергетических эффектов объединения усилий федеральных, региональных, муниципальных органов, крупного и малого бизнеса, финансовых институтов, перехода на инновационную стратегию развития.

Ключевые слова: Моногорода; территории опережающего социально-экономического развития (ТОСЭР); синергетические эффекты; экономическое развитие; институциональная самоорганизация; инновационный прорыв; локальные инновационные системы.

Около четверти российских городов (319 больших, малых и средних с населением более 11 млн. человек), имеющих структуру экономики, отличающуюся от типичных городов монопрофильностью, в последние годы получили статус моногородов. В первую очередь, это старопромысловые города Урала, Алтая, Центра России и примыкающие к ним территории; новые города с узкой специализацией (металлургия, нефтехимия, автомобилестроение и т.д.); города с особой геоэкономической дислокацией. В связи с перманентным кризисом, структурной перестройкой экономики моногорода оказались в особо трудном положении. Например, наиболее крупный

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ. Проект «Стратегия формирования и функционирования территорий опережающего развития на основе реализации территориальной промышленной политики» № 16-02-00073.

моногород Тольятти, автомобильная столица России, город с населением 750 тысяч человек, расположенный в живописной местности (Самарской луке), построенный по генплану с учетом современных нормативов, самый бурно развивающийся город 1960-х и 1970-х годов, мечта советских людей, превратился в город с высоким уровнем безработицы, низкой зарплатой жителей. В другом крупном моногороде – Набережных Челнах (525 тысяч жителей) – за последние 3 года валовый региональный продукт сократился на миллиарды рублей, возникли большие проблемы с бюджетным обеспечением развития городской инфраструктуры. Наибольшее количество моногородов расположены в Свердловской области (Нижний Тагил, Каменск-Уральский, Краснотурьинск, Качканар) и в шахтерских регионах (Кемеровская и Ростовская области), а также в Восточной Сибири.

Главная проблема депрессивных городов – неспособность включиться в инновационный процесс технологического развития. Недопустимый уровень изношенности оборудования (до 70%), отсутствие научных школ и национальной инновационной системы, отраслевой и заводской науки и т.д. – наиболее общие причины. Следствие – низкая конкурентоспособность и эффективность, высокая чувствительность к изменениям рыночной конъюнктуры. Это общая характеристика экономики России. По удельному весу высокотехнологичной продукции Россия уступает Финляндии в 54 раза, Франции – в 30 раз, Германии – в 17 раз. Доля России на мировом рынке высоких технологий составляет всего 0,3% [2]. Стратегические планы, дорожные карты по переходу на инновационную траекторию развития принимаются с 2002 года, но заметного успеха добиться не удается.

Государство для поддержки моногородов предложило новый институт развития – «территории опережающего социально-экономического развития» (ТОСЭР). В числе первых этот статус получили моногорода с депрессивной экономикой – Набережные Челны (Татарстан), Усолье-Сибирское (Иркутская область), Гуково (в 60 км. от Ростова-на-Дону) и города Дальневосточного

региона, призванные разрешить транспортно-логистические проблемы России и Китая.

Нельзя не обратить внимание на странность: «территориями опережающего развития» стали города, не обладающие высоким инновационным потенциалом. В самом крупном из первой пятерки моногородов, получивших статус территорий опережающего развития, - Набережных Челнах, есть машиностроительные заводы, но нет ни одного научно-исследовательского института, ни одной продвинутой научно-исследовательской лаборатории, ни одной научной школы. В Гуково, крайне депрессивном шахтерском городе, затоплены шахты, работники этих шахт два года не получали заработную плату, отсутствуют даже следы научного потенциала. В Усолье-Сибирском также нет никакого научного потенциала. Ни финансового, ни кадрового, ни промышленного потенциала развития нет ни у одного из 10 моногородов и 13 городов Дальневосточного округа, получивших статус ТОСЭР, в которых возможны транспортно-логистические стройки для нужд российских нефтяников, газовиков и китайских производителей промышленной и сельскохозяйственной продукции.

Моногородам, получившим статус ТОСЭР, не положены бюджетные инвестиции. Ставка, по заявлению федерального правительства, делается на инициативы малого бизнеса. А есть ли у малого бизнеса инвестиции для капстроительства, инфраструктура для технико-технологического развития, социально-экономического развития? Есть ли у российского малого бизнеса в малых и средних городах вообще потенциал развития? Затраты на исследования и разработки у малого бизнеса России ограничены. В США доля малого бизнеса в исследованиях и разработках составляет 60% от общего объема в 450 млрд. долларов, которые затрачиваются в этой стране на научно-техническое развитие. В России на долю малого бизнеса приходится 10% от 25 млрд. долларов, вкладываемых в исследования и разработки.

Интерес моногородов к ТОСЭР можно понять – есть налоговые облегчения. Но в чем интерес федерального центра и региона, сокращающего

налоговую базу на ближайшие годы. В ноябре 2016 года федеральное правительство заявило о намерении пересмотреть стратегию развития моногородов и сделать ставку на крупный бизнес. Но здесь опять тупик. Если в Набережных Челнах есть, по крайней мере, промышленный капитал, то какой капитал в Гуково, Усолье-Сибирском, Краснокаменске? Заманить иностранных инвесторов в депрессивные города России? Это уже было. Не прошло. Включить федеральный инвестиционный фактор? Но федеральный и региональный бюджеты России дефицитны. Таким образом, моногорода России, в том числе те, которые получили статус ТОСЭР, остаются без мощного механизма позитивной самоорганизации, без серьезного инновационного потенциала и инфраструктуры. Выход видится в создании современных образовательных центров и научно-исследовательских лабораторий, способных создавать высокотехнологичные продукты и технологии и, главное, в синергизме крупного и среднего бизнеса, науки, федеральных и региональных властей и финансового капитала.

Крупный, средний и малый бизнес моногородов должен объединиться, применить инвестиционную самоорганизацию и региональный патриотизм. В науке это называется формированием синергетического эффекта [1]. Только на основе синергетических эффектов в технико-технологическом развитии может преодолеваться отставание России, конкретных регионов и территорий в научно-техническом и социально-экономическом развитии и обеспечиваться опережающее, а не бесперспективное догоняющее развитие. В условиях развернувшейся четвертой индустриальной революции повышение эффективности и конкурентоспособности продукции может быть достигнуто только на путях перехода на инновационные наукоемкие технологии.

Почти 100 лет назад классик экономической теории И. Шумпетер сформулировал главный закон маркетинга XX века и теорему, впоследствии названную его именем: «В капиталистической реальности орудиями конкуренции являются не бухгалтерские счета, а инновационные продукты, и инновационные технологии…

Прибыль может быть получена только в результате преимущества, которое дают производственные инновации, и исчезает, как только инновации превращаются в рутину» [3, с. 157].

В XXI веке успех в экономике будет строиться на умении создавать синергетические эффекты, на овладении компетенциями, механизмами и инструментами синергетического и технологического менеджмента.

Для решения проблемы ускоренного социально-экономического развития моногородов авторами предлагается создание локальных инновационных систем, дорожных карт и проектов, основанных на стратегии технологических прорывов в пространство шестого и седьмого поколений технологий, используя синергетические эффекты объединения потенциалов федерального центра, регионов и муниципальных образований.

Федеральный центр, создавая институт ТОСЭР, должен взять на себя научное обеспечение технологических прорывов, включая формирование научных школ, способных генерировать технико-технологические инновации для конкретных моногородов, используя зарубежный и отечественный опыт, знания и компетенции специалистов, подготовку глобальных лидеров актуальных технологических направлений развития. Роль научного направления и его лидера – ключевое условие успеха ТОСЭР. На федеральном центре также лежит ответственность за необходимое и достаточное финансирование научных разработок и подготовки научных кадров. Недооценка роли лидеров научных школ, способных обеспечить не догоняющую, а прорывную опережающую стратегию, сгенерировать инновационный прорыв – типичная причина неудач в технологическом и социально-экономическом развитии территорий и страны в целом.

На регионах должна лежать ответственность за создание транспортно-логистической, энергетической, образовательной, правовой инфраструктуры ТОСЭР. Неэффективность многочисленных институтов развития в России объясняется отсутствием сгармонизированных целей, интересов, мотиваций и системных процедур в решении проблем. Движение в цепочке «генерация идеи

– научно-исследовательская и опытно-конструкторская разработка – подготовка производства – инфраструктурное обеспечение процессов развития – сертификация инновационного продукта» имеет разрывы и барьеры. В частности, на стадии генерирования стартапов инноваторы испытывают нехватку научно-исследовательского и измерительного оборудования; на стадии научно-исследовательских разработок – опытно-промышленных участков; опытно-конструкторских работ – отсутствие современного высокоточного технологического оборудования; на стадии реализации проектов – инвестиций и т.д. В некоторых отраслях производства отсутствует отраслевая наука, на большинстве предприятий нет подразделений, способных выполнять НИОКР на современном уровне.

Муниципальные власти в наименьшей степени способны влиять на инновационную деятельность. Но создать инвестиционную привлекательность своих территорий они в определенной степени могут. Подготовка трудовых ресурсов, стыковка малого, среднего и крупного бизнеса с финансовым капиталом, выделение земельных участков также прерогатива муниципалитетов. Но именно на муниципальных бюджетах в близкой и средней перспективе отразится технологическое отставание территорий. Они же принимают на себя риски, связанные с успешностью или неуспешностью функционирования ТОСЭР.

К получению статуса ТОСЭР стремятся территории с высокорентабельными отраслями экономики. Но интересы государства и регионов в инновационном развитии депрессивных моногородов отличаются и их гармонизация – непростая задача в условиях рыночной конкуренции.

Современные инновационные технологии создаются, как правило, на кластерной гибридизации нескольких научных направлений. Это выдвигает к допроизводственной фазе инновационного процесса требования серьезной и дорогостоящей подготовки производства. Малый бизнес не располагает научно-исследовательской базой, способной генерировать инновации глобального уровня. Индустриальные парки обеспечивают резидентов только

производственными площадями и офисными помещениями, но не современными лабораториями, научно-исследовательским измерительным и сертификационным оборудованием. Вывод инновационного продукта на открытые рынки, организованные по нормативам ВТО, требует качественно нового уровня технологий, научной, технологической и кадровой инфраструктуры, которой малый и средний бизнес в России не располагает.

Судьба нового института развития – ТОСЭР, создаваемого для диверсификации экономики депрессивных моногородов и извлечения прибыли, может быть удачной, но отрицательный результат тоже не исключен. Этот институт связан сложной зависимостью с целями рыночной предпринимательской деятельности. Здесь уместно еще раз обратиться к классику экономической теории И.Шумпетеру: «… делание денег обязательно отвлекает производство от общественных целей, а прибыль частных лиц как сама по себе, так и вследствие тех искажений, которые вносят этот мотив в экономический процесс, представляет собой чистый убыток для всех, кроме ее получателей…» [3, С. 118].

Решающего перелома в экономическом развитии России ТОСЭР в том виде, в котором они предложены федеральным центром к реализации, не создадут. Но могут послужить полезным опытом для выхода на эффективные формы экономического развития. Прежде всего, необходима прочная опора на научный технико-технологический базис разворачивающейся в мире четвертой индустриальной революции и научно-технические прорывы в высокотехнологичные области производства.

Помимо стратегии, ориентированной на инновационное развитие территорий опережающего социально-экономического развития и создание реализующих ее локальных инновационных систем, условием успеха в проектах создания ТОСЭР является эффективная диверсификация крупного бизнеса, доминирующего в регионе. Например, в таких агломерациях, как Тольятти и Набережные Челны, в которых расположены крупные автомобильные комплексы АвтоВАЗ и КАМАЗ, без диверсификационного

реинжиниринга успех ТОСЭР обеспечить невозможно. И этот реинжиниринг не может быть догоняющего типа, в том числе, построенного на бенчмаркинге. Только прорывные технологии могут изменить ситуацию и обеспечить опережающее развитие.

В современных условиях связующим звеном в формировании синергетического эффекта должен быть человеческий фактор – опыт, знания и компетенции лидеров научных школ, высокая профессиональная подготовка кадров, умение органов власти организовывать взаимодействия и сотрудничество в сложных системах.

Превращение депрессивных экономик в территории опережающего развития – беспрецедентная задача. Она может успешно решаться только на принципах инновационно-синергетического подхода.

Литература

1. Кузнецов Б.Л., Кузнецов М.С. Эффективность хозяйственной деятельности: синергетический подход. – Набережные челны: ГОУ ВПО «Камская государственная инженерно-экономическая академия», 2011. – 192 с.

2. Позиция России на рынках высокотехнологической продукции. ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ПОРТАЛ PROTOWN. [Электронный ресурс].– URL: http://protown.ru/information/hide/4451.html (дата обращения: 01.02.2017)

3. Шумпетер И.А. Капитализм, Социализм и Демократия: пер. с англ. / Предисл. и общ. ред. В.С. Автономова. – М.: Экономика, 1995. – 540 с.

Kuznetsov B.L., doctor of technical sciences, professor Naberezhnye Chelny Institute of Kazan (Volga region) Federal University;
Kuznetsova S.B., candidate of economic sciences, associate professor Naberezhnye Chelny Institute of Kazan (Volga region) Federal University

HIGH TECHNOLOGY - DEVELOPMENT STRATEGY MONOCITIES

Abstract: The economic crisis in Russia caused the regions and territories, highly specialized in the production of a limited range of products low-margin industries, substantial losses. As a development institution monocities government proposed the creation of areas of advancing social and economic development (TOSER) with the rate on small business and the diversification of economic activity. The article

analyzes the anti-crisis potential of new development institutions. Measures on improvement TOSER Institute through the establishment of synergies joint efforts of federal, regional and municipal authorities, large and small businesses, financial institutions, and the transition to an innovative development strategy.

Keywords: monocities; territory advancing socio-economic development; synergistic effects; economic development; Institutional self-organization; innovative breakthrough; local innovation systems